М. О. Гершензон

Мечта и мысль И. С. Тургенева

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
М11

М. О. Гершензон
М11 Мечта и мысль И. С. Тургенева / М. О. Гершензон – М.: Книга по Требованию, 2021. – 170 с.

ISBN 978-5-517-83350-1

Мечта и мысль И. С. Тургенева.

ISBN 978-5-517-83350-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ I

РОЖДЕНІЕ МЫСЛИ

СТЕ́НО

I

Тургеневу было 16 лѣтъ, когда онъ писалъ «Сте́но». Пробывъ годъ въ Московскомъ университетѣ, онъ осенью 1834 года, съ переѣздомъ семьи въ Петербургъ, перешелъ въ Петербургскій университетъ; здѣсь, съ сентября по декабрь, и былъ написанъ «Сте́но». Какъ разъ въ это время заболѣлъ предсмертной болѣзнью и умеръ 30-го октября его отецъ въ отсутствіе Варвары Петровны, бывшей за границей.

Мы ничего не знаемъ о томъ, какъ шло развитіе будущаго писателя въ эти ранніе годы; поэтому даже такія мелкія черты, какъ свидѣтельство объ его знакомствѣ съ поэзіей Байрона и Шекспира и знаніи англійскаго языка, представляютъ извѣстный интересъ. Еще несравненно важнѣе, конечно, содержаніе и смыслъ самой драмы.

Надо сказать заранѣе: какъ художественное произведеніе она во всѣхъ отношеніяхъ крайне плоха, какъ говорится, ниже всякой критики. Дѣйствительно, критику нечего съ ней дѣлать: фабула, психологическое обоснованіе поступковъ, стихи,—все въ ней такъ чудовищно дурно, что разбирать и оцѣнивать ее невозможно. Она—только документъ, въ которомъ выразились настроенія и мысли юноши-Тургенева; онъ представляетъ исключительно біографическій интересъ, но зато очень большой.

Съ неопытностью начинающаго Тургеневъ въ первой же сценѣ пытается раскрыть передъ зрителемъ душу Сте́но до самаго дна. Дѣйствіе происходитъ въ Римѣ. Драма начинается монологомъ Сте́но, безъ свидѣтелей, лунной ночью въ Колизеѣ. Онъ размышляетъ о минувшемъ величіи Рима. Куда дѣвалось все? Время стерло слѣды могучихъ подвиговъ; Римъ— грозный, міродержавный Римъ,—лежитъ во прахѣ. Мысль Сте́но невольно обращается на него самого, на бренность всего земного. Для чего же дана намъ жизнь? Римъ исчезъ, какъ сонное видѣніе,—такъ и мы исчезнемъ безъ слѣда. Взываешь къ небу: что значитъ жизнь? что значитъ смерть? но небо не даетъ отвѣта. Мечтаешь о славѣ—но что пользы въ томъ, что твое имя прозву-

чить въ памяти потомковъ, какъ въ безднѣ звукъ, когда ты самъ, кипящій надеждами и отвагой, обреченъ въ пищу червямъ? А за могилой что? „Когда-то, въ молодости,—говоритъ Стéно,—я вѣрилъ въ Бога; потомъ, когда на меня обрушились удары судьбы, я утратилъ вѣру; съ тѣхъ поръ я тщетно силюсь вернуть молитвой жизнь въ мою холодную, нагую душу,—мое сердце изсохло. За мною точно обрушилась скала, преграждая мнѣ путь назадъ, и я иду впередъ, во что бы то ни стало".

Стéно становится дурно, онъ теряетъ сознаніе и падаетъ.

Этотъ монологъ—какъ бы основа драмы. Въ немъ авторъ *представилъ* своего героя зрителямъ; теперь онъ покажетъ его имъ *въ дѣйствіи*, гдѣ окончательно должны обнаружиться типичныя черты такой душевной омертвѣлости. Литературные образцы, можетъ быть, Пушкинъ съ его «Кавказскимъ плѣнникомъ» и Алеко, подсказали юному поэту избрать, какъ наиболѣе сильный реактивъ для вящшаго раскрытія мужской души, женскую любовь. Можетъ быть, тѣ же образцы навели его на мысль противопоставить мужской раздвоенности цѣльную и наивную женскую душу,—во всякомъ случаѣ, онъ уже здѣсь употребляетъ этотъ пріемъ, которымъ неизмѣнно пользуется потомъ и въ поэмахъ 40-хъ годовъ, и въ своей позднѣйшей прозѣ.

Этотъ контрастъ рѣзко подчеркнутъ въ первой же сценѣ. Въ ту самую минуту, когда Стéно послѣ своего манфредовскаго монолога падаетъ безъ чувствъ, за сценою раздается пѣсенка 16-лѣтней Джуліи, непосредственная и радостная, какъ пѣнье птички, но вмѣстѣ звучащая томнымъ ожиданьемъ любви.

Эта встрѣча и служитъ завязкою драмы. Джуліа и ея братъ, молодой рыбакъ Джакоппо, переносятъ безчувственнаго Стéно въ свою хижину; когда, недѣлю спустя, оправившись, онъ уходитъ отъ нихъ, Джуліа уже навѣки прикована къ нему беззавѣтной любовью. Между завязкой и развязкой нѣтъ никакого дѣйствія,—все только монологи Стéно или діалоги между нимъ и Джуліей или Джакоппо, между Стéно и старымъ отшельникомъ Антоніо. И внезапно наступаетъ развязка: Джуліа умираетъ отъ нераздѣленной любви, Джакоппо, обезумѣвъ, убиваетъ надъ ея трупомъ врача, потомъ, опомнившись, бѣжитъ убить Стéно, но находитъ его уже бездыханнымъ: Стéно за нѣсколько минутъ до того обрываетъ свою жизнь револьвернымъ выстрѣломъ не изъ-за Джуліи, а чтобы положить конецъ своимъ одушевнымъ терзаніямъ. Такъ что романъ Джуліи собственно ни при чемъ: онъ не вплетенъ въ душевную драму героя; да и драмы въ обычномъ смыслѣ здѣсь нѣтъ, такъ какъ нѣтъ столкновенія двухъ или нѣсколькихъ воль или (по античному представленію) воли съ судьбою: есть только пси-

хологическій этюдъ, изложенный въ монологахъ и діалогахъ. Позднѣе Тургеневъ, разрабатывая туже тему, т.-е. точно такъ же желая нарисовать *портретъ*, примѣняетъ болѣе искусные пріемы: онъ уже не прибѣгаетъ къ драматической формѣ и уже не оставляетъ своего героя отрѣшеннымъ отъ вызванныхъ имъ коллизій. Въ „Стéно“ художественная планомѣрность есть, и даже очень строгая; но она одностороння, и чѣмъ строже проводится, тѣмъ она одностороннѣе. Всѣ остальныя дѣйствующія лица, вся дѣйствительность и всѣ событія сами по себѣ нисколько не интересуютъ автора: онъ изображаетъ ихъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой они ему нужны для болѣе яркаго освѣщенія личности героя.

Онъ окружилъ Стéно самыми заурядными людьми. Джуліа и Джакопо живутъ, монахъ Антоніо раньше жилъ, непосредственными чувствами, не мудрствуя, не споря съ судьбой. Оттого они счастливы, покойны. Въ ихъ непосредственности есть своеобразная красота,—красота самой природы, съ которою они еще нераздѣльны. Такой благоуханный естественный цвѣтокъ, напримѣръ,—любовь Джуліи. Въ первую же минуту, когда она увидала безчувственнаго Стéно въ Колизеѣ, ей что-то ясно сказало: „Вотъ онъ, кого душа твоя искала“, и съ первой же минуты она предается ему безвозвратно: „Ты мнѣ—все, въ тебя я вѣрю какъ бы въ Бога“. Позднѣе, въ своихъ поэмахъ, Тургеневъ возводитъ въ перлъ созданія эту непосредственность чувствъ, эту естественность; теперь, въ 16 лѣтъ, онъ еще далекъ отъ этого: онъ ясно даетъ понять, что эта естественная красота въ человѣкѣ—красота низшаго сорта, что есть нѣчто высшее ея, именно красота собственно-человѣческая, красота смѣлаго и гордаго духа, сознавшаго свою самостоятельность предъ лицомъ природы и судьбы и зовущаго ихъ къ отвѣту. Таковъ, по мысли Тургенева, его Стéно. Той, гармоничной, природной кросоты въ немъ нѣтъ и тѣни; напротивъ, въ немъ все болѣзненно, все мятежно: онъ—полный контрастъ природы. Позднѣе, въ поэмахъ, и еще позже, напримѣръ, въ „Поѣздкѣ въ Полѣсье“, Тургеневъ будетъ горько скорбѣть объ этомъ своемъ выпаденіи изъ природнаго строя; сейчасъ онъ только констатируетъ его какъ неизбѣжный и нормальный фактъ: миръ—природѣ и душамъ еще не пробужденнымъ, душѣ же, сознавшей себя,—тревога и страданье.

Стéно нѣсколько разъ по частямъ разсказываетъ свое прошлое. Ему данъ отъ природы могучій умъ. Его мысль проснулась въ ту минуту, когда онъ впервые, глядя на небо, спросилъ себя, кто создалъ этотъ дивный сводъ лазурный. Тогда еще въ немъ душа была яснѣе неба, и онъ отдался Богу съ горячей вѣрой. Но вскорѣ его постигъ страшный ударъ; онъ полюбилъ дѣвушку, родную ему по духу; двое они составляли міръ,—„и онъ былъ чу-

денъ, какъ все, что на землѣ не человѣкъ". И вотъ эта дѣвушка внезапно умерла или исчезла. Тогда Стѐно ожесточился противъ Бога, вѣра въ немъ умерла,— онъ ввѣрился уму, и умъ быстро разоблачилъ предъ нимъ обманы земныхъ успѣховъ, ничтожество людей. Ему опротивѣлъ міръ, онъ умеръ для всего, что любятъ люди, его духъ окаменѣлъ; но онъ, по крайней мѣрѣ, не страдалъ, онъ только прозябалъ въ сонной апатіи. И вдругъ онъ ожилъ для новаго, уже неизлечимаго страданія: мысль, подспудно работая, поставила предъ нимъ страшный вопросъ о смыслѣ жизни, т.-е. объ ея безцѣльности.

Такимъ онъ и предстаетъ предъ нами въ пьесѣ, уже безвозвратно обреченнымъ смерти. Каждый часъ, каждый мигъ его жизни—пытка. Никакая радость, никакая красота его не радуетъ; онъ презираетъ все земное, и презираетъ людей, привязанныхъ къ земному. Въ этомъ огромномъ мірѣ онъ одинокъ, люди называютъ его злымъ, и самъ себѣ онъ въ тягость. Демонъ отнялъ у него сердце и оставилъ ему только жалкій умъ. Онъ страстно жаждетъ покоя, забвенья, но едва онъ забудется на мигъ, является его демонъ— мысль—и принимается терзать его. Онъ знаетъ, что его могла бы спасти вѣра, но онъ *не можетъ* вѣрить. Онъ проситъ помощи у отшельника:

Я,
Какъ неба, жажду вѣры... жажду долго,
А сердце пусто до сихъ поръ. О, если-бъ
Ты мнѣ ее могъ, старецъ, возвратить,
То я готовъ всю жизнь тебѣ отдать.

Старецъ знаетъ одно стереотипное средство: „молись!" Но оно не годится для Стѐно:

Слова святыя я произношу:
Они въ душѣ отвѣта не находятъ...

Онъ жаждетъ смерти—и боится ея; его мучитъ вопросъ, что будетъ *тамъ* и есть ли это *тамъ*, и еще болѣе, до ужаса, терзаетъ его мысль о томъ, что вмѣстѣ съ его жизнью безслѣдно исчезнутъ всѣ чувства и думы, волновавшія его духъ,—цѣлый міръ страданій, стремленій, высокихъ помысловъ. И все же онъ долженъ умереть,—ему нестерпимо жить подъ властью своего демона. Правда, онъ могъ бы смириться и тѣмъ купить себѣ покой; такъ обыкновенно поступаетъ человѣкъ толпы; но онъ съ негодованіемъ отвергаетъ эту мысль.

И онъ уходитъ изъ жизни измученный, но не побѣжденный. Взявъ въ руки револьверъ, онъ привѣтствуетъ его, какъ друга: „Ты разрѣшишь

мнѣ тайную задачу, ты мнѣ откроешь все". Еще раньше онъ такъ опредѣлялъ свое назначеніе:

...Если я паду—тогда узнаютъ люди,
Что значитъ воля *человѣка*. Низко
Поставили они названье это,
И я хочу его возвысить.

Обыкновенные люди—какъ дѣти: тѣшатся погремушками, убаюкиваютъ себя вѣрой; Стѐно—какъ бы первый человѣкъ, выросшій изъ дѣтскихъ одеждъ; онъ одинъ, вооруженный только силой своего духа и мыслью, выступилъ предъ лицомъ природы съ заявленіемъ своихъ человѣческихъ правъ. Тургеневъ много разъ на протяженіи пьесы характеризуетъ Стѐно какъ человѣка исключительной духовной силы. Старецъ говоритъ Стѐно: „Ты могъ бы быть великимъ, дивнымъ", и самъ Стѐно, говоря о своемъ презрѣніи къ людскому мнѣнію, заявляетъ, что въ немъ самомъ есть цѣлый міръ. „Теперь онъ міръ страданья,—онъ могъ быть міромъ силы и любви"

„Могъ бы",—очевидно, описка: Тургеневъ опредѣленно говоритъ, что для людей, подобныхъ Стѐно, нѣтъ другого исхода, кромѣ смерти; Стѐно, каковъ онъ есть, уже *не можетъ* быть ни сильнымъ, ни счастливымъ. Счастье—для тѣхъ, кто еще не проснулся, еще не отдѣлился отъ природы, еще не сталъ собственно человѣкомъ; но разъ ты открылъ глаза, тебѣ не найти покоя раньше могилы, ибо передъ тобою встанетъ неразрѣшимая задача жизни, неразрѣшима же она потому, что духъ человѣка двойственъ. Такъ самъ Стѐно опредѣляетъ причину своей тоски: какой-то неясный голосъ говоритъ ему, что его родина—не здѣсь; ему хотѣлось бы летѣть къ небу, а онъ прикованъ къ землѣ.

II

Съ перваго взгляда ясно, что „Стѐно"—сколокъ съ Байроновскаго „Манфреда". Сходство начинается уже съ заглавія, которымъ въ обоихъ произведеніяхъ служитъ имя героя, и съ общаго обоимъ подзаголовка—„драматическая поэма". Изъ „Манфреда" Тургеневъ заимствовалъ самую идею своей поэмы, идею-образъ человѣка, утверждающаго свою самочинность предъ лицомъ природы, гибнущаго въ этой борьбѣ, но не смиряющагося. Этимъ основнымъ сходствомъ обоихъ характеровъ обусловлено и сходство ихъ въ главныхъ психологическихъ чертахъ: Стѐно, какъ Манфредъ, страдаетъ невыразимо, но ни за что въ мірѣ не отрекся бы отъ своего страданія; оба жаждутъ смерти—забвенія, и оба страшатся ея, потому что не знаютъ, чѣмъ

наполнено загробное безсмертіе; оба мертвы для міра, оба осуждены не знать болѣе—это слова Манфреда—„ни трепета надеждъ или желаній, ни радости, ни счастья, ни любви“ [1]), и оба, какъ огонь, испепеляютъ все, что къ нимъ приблизится; наконецъ, оба благоговѣютъ предъ красотою мірозданія, и оба презираютъ человѣчество. У Байрона взялъ Тургеневъ и многія звенья своей фабулы: обморокъ Стéно, спасаемаго Джуліей и Джакопно (въ 1-ой сценѣ), списанъ съ той сцены въ „Манфредѣ“, гдѣ Манфреда на краю обрыва въ Альпахъ спасаетъ охотникъ, и самый этотъ охотникъ—въ основѣ, конечно,—прототипъ тургеневскаго Джакопно, именно человѣкъ еще не выпавшій изъ природнаго строя, прекрасный своей близостью къ природѣ, но жалкій своей зависимостью отъ нея. Въ Стéно, какъ и въ Манфредѣ, душевный переломъ былъ вызванъ утратою любимой женщины; въ „Манфредѣ“, какъ и въ „Стéно“, фигурируетъ „аббатъ“, пытающійся обратить невѣрующаго на путь вѣры; Стéно, какъ и Манфреду, является воочію „духъ“, и вторично этотъ „духъ“ является при Антоніо, какъ въ „Манфредѣ“—при аббатѣ, и т. д. Наконецъ, и въ изложеніи Тургеневъ неоднократно слѣдовалъ за Байрономъ, подчасъ спускаясь почти до пересказа, если не перевода, цѣлыхъ отрывковъ изъ „Манфреда“. Такъ, первый монологъ Стéно—не что иное, какъ перифразъ слѣдующаго монолога Манфреда.

Манфредъ, одинъ.

Сверкаютъ звѣзды,—снѣжныя вершины
Сіяютъ въ лунномъ свѣтѣ.—Дивный видъ!
Люблю я ночь,—мнѣ образъ ночи ближе,
Чѣмъ образъ человѣка; въ созерцаньи
Ея спокойной, грустной красоты
Я постигаю рѣчь иного міра.
Мнѣ помнится,—когда я молодъ былъ
И странствовалъ,—въ такую ночь однажды
Я былъ среди развалинъ Колизея,
Среди останковъ царственнаго Рима.
Деревья вдоль разрушенныхъ аркадъ,
На синевѣ полуночной темнѣя,
Чуть колыхались по вѣтру, и звѣзды
Сіяли сквозь руины; изъ-за Тибра
Былъ слышенъ лай собакъ, а изъ дворца—
Протяжный стонъ совы, и, замирая,
Невнятно доносились съ теплымъ вѣтромъ
Далекіе напѣвы часовыхъ.

---

[1]) „Манфредъ“ цитируется по переводу И. А. Бунина, изд. „Знаніе“ 1904 г.

Въ проломахъ стѣнъ, разрушенныхъ вѣками,
Стояли кипарисы—и казалось,
Что ихъ кайма была на горизонтѣ,
А между тѣмъ лишь на полетъ стрѣлы
Я былъ отъ нихъ.—Гдѣ Цезарь жилъ когда-то
И гдѣ теперь живутъ ночныя птицы,
Уже не лавръ, а дикій плющъ растетъ
И лѣсъ встаетъ, корнями укрѣпляясь
Въ священномъ прахѣ царскихъ очаговъ,
Среди твердынь, сравнявшихся съ землею.
Кровавый циркъ стоитъ еще донынѣ,
Еще хранитъ въ руинахъ величавыхъ
Былую мощь, но Цезаря покои
И Августа чертоги ужъ давно
Повергнись въ прахъ и стали грудой камня.
И ты, луна, на нихъ свой свѣтъ лила,
Лишь ты одна смягчала нѣжнымъ свѣтомъ
Сѣдую древность, дикость запустѣнья,
Скрывая всюду тяжкій слѣдъ временъ!

О дѣвушкѣ, которую онъ любилъ, Манфредъ говоритъ такъ:

И лишь одна, одна изъ всѣхъ...
Она была похожа на меня...
Насъ
Сближали одинаковыя думы,
Любовь къ уединенію, стремленье
Къ таинственнымъ познаніямъ и жажда
Обнять умомъ вселенную, весь міръ...

Почти тѣми же словами характеризуетъ свою возлюбленную Стéно.

...Я зналъ одно созданье,
Которое мнѣ было равно...
Душами были мы родные
И мы другъ друга понимали...

Манфредъ отвѣчаетъ охотнику:

Терпѣніе!—Нѣтъ, не для хищныхъ птицъ
Придумано терпѣніе: для муловъ!
Прибереги его себѣ подобнымъ,—
Я изъ другой породы.

Стéно повторяетъ эти слова: „Пусть терпитъ рабъ—не Стéно“. Въ нижеслѣдующихъ трехъ отрывкахъ изъ „Манфреда“ читатель легко узнаетъ источникъ соотвѣтственныхъ мѣстъ въ поэмѣ Тургенева.

Контрастъ между Манфредомъ (Стéно) и охотникомъ (Джакоппо): „Я вижу“, говоритъ охотнику Манфредъ,

Тебя. сынъ горъ, и самого себя,
Твой мирный бытъ и кровъ гостепріимный,
Твой духъ, свободный, набожный и стойкій,
Исполненный достоинства и гордый,
Затѣмъ, что онъ и чистъ, и непороченъ,
Твой трудъ, облагороженный отвагой,
Твое здоровье, бодрость и надежды
На старость безмятежную, на отдыхъ
И тихую могилу подъ крестомъ,
Въ вѣнкѣ изъ розъ.—Вотъ твой удѣлъ. А мой—
Но что о немъ,—во мнѣ ужъ все убито.

Презрѣніе къ людямъ:

Ни въ чемъ съ людьми я сердцемъ не сходился
И не смотрѣлъ на землю ихъ глазами;
Ихъ цѣли жизни я не раздѣлялъ,
Ихъ жажды честолюбія не вѣдалъ.
Мои печали. радости и страсти
Имъ были непонятны. Я съ презрѣньемъ
Взиралъ на жалкій обликъ человѣка...

Аббатъ о Манфредѣ (какъ Антоніо о Стéно):

Онъ могъ бы быть возвышеннымъ созданьемъ.
Въ немъ много силъ, которыя могли бы
Создать прекрасный образъ, будь онѣ
Направлены разумнѣе: теперь же
Царитъ въ немъ страшный хаосъ.
Онъ стремится
Къ погибели, онъ долженъ быть спасенъ,
Затѣмъ, что онъ достоинъ искупленья...

И совершенно такъ же охотникъ говоритъ о Манфредѣ (какъ Джуліа и Джакоппо—о Стéно):

И съ такою
Душой, высокой, нѣжной, быть злодѣемъ!..
Не вѣрю!

Кажется, болѣе нѣтъ надобности умножать эти выдержки: ясно, что юный русскій авторъ близко держался своего подлинника, все время имѣлъ предъ глазами текстъ „Манфреда“ и, не стѣсняясь, бралъ изъ него то, что ему было нужно. Но тѣмъ разительнѣе выступаютъ на этомъ фонѣ